

Власть знания и общественные интересы: профессионалы в государстве благосостояния

Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова

Иntenсивные социальные и культурные изменения в современном обществе тесно связаны с трансформирующейся ролью профессий и их определением в контексте социальной политики на локальном и международном уровнях. Неолиберальные тенденции в управлении социальной политикой с их акцентами на учете потребностей клиента и конкуренции между провайдерами обуславливают изменение требований к услугам специалистов, занятых в здравоохранении и социальной защите. Профессии становятся полигоном выработки новых подходов к управлению, и в то же время они остаются ключевыми игроками политического процесса, участвуют в обеспечении тех видов обслуживания, к которым постоянно апеллируют институты государства всеобщего благосостояния и граждане. Стратегии профессионалов, формулируемые в их собственных интересах, в стремлении монополизировать власть экспертизы, уже не устраивают граждан, чьи возможности выбора, влияния и контроля над профессионалами расширяются.

Исследования показывают, что и в СССР автономия профессионалов, возможности их саморегулирования были в значительной степени подорваны, и хотя сейчас ситуация меняется, многие про-

В данной научной работе использованы результаты исследовательского проекта «Идеологии профессионализма в социальном государстве», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0007.

фессионалы предпочитают сохранять свое зависимое положение, принимают угодные власти решения или решения, сулящие им материальные и символические преимущества. В силу своей зависимости от начальства, отсутствия автономии и саморегуляции они не способны корпоративно противодействовать коррупции, припискам, халатности, показухе, дефектам управления. Те, кто не встраиваются в эти иерархии, выглядят чудиками, свидетельством чему является широко распространившаяся практика обращения специалистов к президенту страны, верховной власти, через головы своих начальников с помощью таких публичных механизмов, как общедоступные видеозаписи на Youtube. Эти обращения явно показывают, что многие российские военные и полицейские офицеры, медики, учителя верят в силу лишь внешних по отношению к профессии регуляторов и пытаются через публичную сферу противостоять тем явлениям, которые они рассматривают как угрозу своему делу. В неолиберальном социальном государстве растет влияние менеджериального контроля над профессионалами, и единственной альтернативой ему может стать объединение специалистов в саморегулирующиеся профессиональные ассоциации, преодолевающие границы организаций и государств. В этой статье мы обсудим концепцию данной книги, остановимся коротко на ключевых теоретических предпосылках и инструментарии исследовательского проекта, в рамках которого подготовлены вошедшие сюда работы.

Идеологии профессионализма в социальном государстве

Дискурсы социальной политики нередко включают ценностные суждения – позитивные в отношении одних групп или действий и негативные в отношении других. История формирования социального государства в XIX – начале XX века связана с развитием стратегий заботы о гражданах. Социальная забота профессионализировалась, и это вело к тому, что государство посредством различных институтов, акторов и дискурсов, связанных с политикой и практикой, обучало граждан социальному управлению их собственной и чужой свободой. С развитием научных дискурсов появились институты и эксперты социальной политики и профессионалы, обученные методам объективного наблюдения за ребенком [Bloch et al., 2003; Iarskaia-Smirnova, 2011] и вмешательства в частную жизнь семьи с целью воспитания «правильных» граждан. В течение XX века социальное государство полностью оформилось на основе новых технологий воспитания детей, семьи и представлений населения о правильном и неправильном поведении, самоопределении, о нор-

мальности и ненормальности, за функционированием которых стояли разнообразные группы специалистов, обладавших властью знания. Категория управленитета, разработанная на основе идей М. Фуко [Foucault, 2003], становится ценной теоретической перспективой в анализе социальной реальности, позволяя распознать отношения власти в дискурсах и институтах социальной политики.

Современная социальная политика в России в значительной степени обеспечивает поддержку со стороны населения политическим элитам, однако приоритеты такой поддержки и ее оценки постоянно меняются. Дискуссии о монетизации, ее подходах и результатах сменились обсуждением результативности национальных проектов, которые, в свою очередь, отошли на второй план после взлета интереса к демографической проблеме, роста озабоченности правительства повышением рождаемости и эффективности материнского капитала. Каждая волна инициатив показывает, насколько influential оказываются группы профессионалов в определении тех или иных ситуаций как проблемных, в обозначении приоритетов и повестки дня новых этапов «настройки» социальной политики под нужды политических элит. В условиях жесткой конкуренции за ресурсы и символическую власть среди профессионалов выделяются те, чей голос оказывается более слышим – экономисты, юристы, медики, демографы, педагоги или инженеры. Усиливается роль экспертов в продвижении и оценке реформ, государство создает для этого специальные структуры: ИНСОР (Институт современного развития), Агентство стратегических инициатив, профессиональные ассоциации в составе Народного фронта, Институт общественного проектирования. Создание экспертного сообщества сверху ведет к усилению ангажированности профессионалов властью.

В современных исследованиях выделяется два взгляда на идеологию профессионализма [см. о различии подходов: Evetts, 2003; Романов, Ярская-Смирнова, 2011]: во-первых, как на нормативную ценностную систему (вслед за Толкоттом Парсонсом), необходимую для сплоченности и стабильности, и, во-вторых, как на систему аргументов, направленных на оправдание власти и доминирования профессионалов (критическая, неовеберовская перспектива, представленная в работах М. Ларсон, Э. Эббота [Larson, 1977; Abbot, 1988]). Если профессионализм понимается как нормативная ценностная система группы, в таких исследованиях (и в популярных источниках) профессионалы рисуются альтруистами, носителями нейтрального знания, в равной степени дистанцированными от бизнеса и государства, вовлеченными в публичный диалог, посвятившими себя служению ценностям профессии, обществу. Там, где профес-

сионализм понимается как система аргументов доминирования, авторы анализируют роль властных факторов в формировании профессионального знания, значение идеологий в определении места носителей такого знания в обществе и государстве, их участия в решении социальных проблем. Действие идеологии профессионализма можно проследить на разных уровнях – макро- (государство, рынок), мезо- (организации и институты) и микро- (группы и акторы). На мезо- и микроуровнях анализа в фокус внимания попадает важная категория специалистов – работники социальных служб, школ и поликлиник, которую Майкл Липски [Lipsky, 1980] назвал *policy making community*, те, кто занят на переднем фронте работы, отвечая за непосредственную, каждодневную реализацию социальной политики на низовом, «уличном» уровне, и формирует связь между клиентами (пациентами, учащимися) и государством. Эти работники во многом автономны, поскольку постоянно вырабатывают способы решения рутинных или неожиданных проблем. Они создают ценностно-нормативные рамки для исполнения своей роли, приемы совладания с неопределенностью, повседневные типологии и классификации случаев, клиентов, объясняют себе и окружающим причины социальных проблем, провалы и достижения в их собственной практике или в работе их учреждений и организаций. Тем самым работники могут нерелексивно участвовать в воспроизводстве социальной несправедливости и неравенства, что заостряет актуальность исследования идеологии профессий социального государства.

В принципе, наверное, любая профессиональная деятельность развивается сегодня в контексте и под сильным влиянием социальной политики, да и само определение профессионализма во многом обусловлено эволюцией государства всеобщего благосостояния в XX веке и его трансформацией в век нынешний. Но в течение длительного времени исследования были сфокусированы на изучении идеологий таких сложившихся, устойчивых профессиональных сообществ, как врачи [Эветтс, 2009; Evetts, 2003; Кульман, 2007], социальные работники [Saks, 2011; Weiss-Gal, Welbourn, 2008; Hugman, 2003], юристы [Brockman, 2004; Kronman, 1995]. На примере современных капиталистических обществ, стабильных правовых систем был продемонстрирован тот существенный вклад, какой вносят профессионалы, эксперты, участвующие в легитимации социального неравенства [Миллс, 2011]. Исследований ситуации в постсоциалистических странах, роли профессионалов в трансформационных процессах пока сравнительно немного – это работы, затрагивающие семейную и гендерную идеологию, социальную защиту [Haneу, 2002; Morgen, Maskovsky, 2003], социальную политику [Маршалл, 2010].

Исследование идеологии современных профессий затрагивает многие острые проблемы социальной политики. В условиях растущего влияния рынка на характер занятости и вмешательства государства в жизнь профессий актуализируется роль внутренних регулятивных механизмов профессиональных групп, которые позволяют специалистам поддерживать независимость, сохранять критическую дистанцию. Во многом утратив автономию в советский период, сейчас многие из прежних и вновь созданных профессий повышают статусные позиции, обосновывая претензии на исключительные полномочия в области охраны здоровья, социальной защиты, распределения ресурсов. Профессионалы и государственный аппарат нередко преследуют сходные цели и поддерживают позиции друг друга, что препятствует профессиональной автономии. Поэтому так важно включать в анализ дискурсы и систематические описания повседневности профессиональных групп, выступающих в качестве агентов социальной политики с прицелом на изучение особенностей развития их идеологии, понимаемой в двух взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, эта идеология рассматривается как обоснование претензии профессионалов на исключительное положение в обществе, привилегии и обслуживание власти, а с другой – является инструментом укрепления этоса профессиональных групп, источником поддержания демократических процессов и общественного диалога на принципах социальной справедливости.

Профессии в социальном государстве: концепция проекта

Когда нормативно-ценностная сторона профессионализма преобладает над критической рефлексией, идеологии групп профессионалов подчеркивают их преимущества и легитимируют действия, доказывающие полезность для самих себя и общества в целом [Романов, Ярская-Смирнова, 2011]. В связи с этим актуальным является исследование спектра причин и самих изменений, которые претерпевают этические системы, дискурсы различных профессиональных групп, а также противоречий и конфликтов идеологий, вовлеченных в поддержание государства всеобщего благосостояния. Необходим анализ, который может показать, как меняется характер автономии профессионалов от государства и рынка, могут ли современные идеологии в этой области укреплять ответственность перед обществом, сплоченность, мотивировать на действия в интересах открытого демократического общества.

Попытка такого анализа сделана в этой книге по результатам исследовательского проекта, который проводился в НИУ ВШЭ кол-

лективом магистрантов, аспирантов и преподавателей при поддержке Научного фонда университета в рамках программы «Научно-учебные группы». Целью проекта являлся анализ идеологий профессиональных групп, противоречивым образом воспринимающих и формирующих ценности социального государства, выявление этических противоречий и конфликтов агентов российского поля социальной политики, вызванных ограниченностью профессиональной саморегуляции. Исследование началось с систематизации аналитических подходов в русле социологии профессий и теоретических определений социального государства, проблематизации профессионализма как системы ценностей и идеологии в контексте социальной политики. После этого был составлен базовый гид кейс-стади, послуживший концептуальной рамкой для разработки индивидуальных задач исследователей (см. ниже).

В этой книге представлены некоторые результаты исследований, выполненных в рамках указанного проекта, а также ряд работ авторов, занимающихся сходной проблематикой в других проектах и научных центрах России. При составлении сборника мы сознательно отказались от классического социологического разделения предметного поля на «профессии» и «виды занятости», в результате чего под одной обложкой можно увидеть как исследования классических профессий (врачи), так и новые, неоформившиеся окончательно виды занятости (фандрайзеры, школьные театральные педагоги, социальные рекламисты) и даже маргинальные (попрошайки). Те профессии и группы занятий, которые стали предметом исследовательского внимания авторов этой книги, являются продуктом трансформационных процессов на рынке труда. Эти изменения проявляются как в традиционных профессиях социального государства, так и в быстро усложняющемся разделении труда и появлении новых специальностей. Растущая специализация, с одной стороны, отвечает на вызовы со стороны государства, рынка и гражданского общества, а с другой – способствует переопределению взаимоотношений между ключевыми акторами социальной политики.

Эта книга направлена на восполнение аналитического зазора между процессами, сопровождающими энергичный рост автономии классических и новых профессий, с одной стороны, и недостаточностью академической рефлексии о внешних и внутренних регулятивных процессах и идеологиях профессиональных групп, с другой. В статьях обсуждаются различные аспекты отношений между социальным государством, профессиями и гражданами. Исследования, о которых рассказывают здесь авторы, позволяют, как мы полагаем, получить новые знания о процессах профессионализации в совре-

менном российском обществе, механизмах саморегуляции, открывающих профессиональным группам возможность сохранять свою независимость, служить во имя общественных ценностей. Другой аспект предлагаемого подхода к изучению профессий – анализ внутренних и внешних рисков в отношении профессиональной автономии, возникающих в условиях рыночного общества или в результате давления со стороны государственного аппарата. Изучение разнообразных аспектов идеологии и автономии профессиональных групп в контексте социального государства является отличительной особенностью такой перспективы анализа.

Теоретико-методологическая база исследований была разработана в духе неовеберианских подходов к изучению профессий [Evetts, 2003; Abbot, 1988; Saks, 1995; Кульман, 2007], рассматривающих смыслы профессионализма в качестве особого культурно-исторического конструкта, связанного с легитимацией профессионалами своего права на собственную монополию в рамках определенного сектора услуг. Исследовательская методология опирается, главным образом, на интерпретативизм и реализм, а эмпирические методы в большей части статей относятся к качественной, этнографической традиции. Исследования государства благосостояния, выполненные в таком ключе, реконструируют повседневный опыт реализации социальной политики, которая понимается как процесс нормализации благополучия индивидов, организаций и обществ. Для изучения низового уровня социальной политики, где оперируют такие агентства и акторы, как социальные службы и различные профессионалы, полезным оказывается использование кейс-стади.

В фокусе внимания авторов книги – те виды занятости, развитие которых тесно связано с социальной политикой – врачи, медсестры и санитарки, учителя и социальные работники. Сборник открывается статьями, посвященными медицинской профессии – традиционному объекту социологии профессий и значимому агенту государства всеобщего благосостояния. Статья Ирины Краснополской и Ирины Мерсияновой посвящена проблемам престижа профессии врача и качеству высшего медицинского образования. Являясь одним из важнейших ресурсов власти медиков в обществе, престиж позволяет профессионалам исполнять свою роль в достаточно противоречивой политической среде. Потенциал самоорганизации этой группы в России остается реализованным не в полной мере. В статье Анны Темкиной медики-гинекологи – это в первую очередь агенты дисциплинарного контроля в сфере репродукции и женского здоровья. Автор рассматривает институциональные условия медиализации беременности, формы контроля и то, как на них реагируют

женщины-пациентки. Дарья Присяжнюк изучает профессиональный статус врачей поликлиник и то влияние, которое оказывает на статус реформирование социальной политики. Указывается, что реформы отрасли оказывают дифференцированное влияние на различные группы внутри профессии и несмотря на то, что происходит рост профессионального статуса, врачи поликлинических учреждений пока не являются сплоченной группой с ясно оформленными интересами. Используя концепцию эмоционального труда, Ольга Симонова и Екатерина Ядрова анализируют профессиональную деятельность медсестер кардиохирургического отделения. Опираясь на интервью с медсестрами, исследователи раскрывают особенности социального устройства рабочего места, указывают на риски эмоционального выгорания, срыва, сопровождающие работу этих специалистов. В статье Радика Садыкова изучаются противоречия сложного процесса интеграции гомеопатов как представителей альтернативной медицины в корпус современного здравоохранения. Показана неоднородность профессионального сообщества гомеопатов и различия в стратегиях их адаптации к требованиям доминирующего институционального порядка. В работе Анны Клепиковой анализируется занятость санитарок. Автор изучает непростой труд по уходу за пациентами психоневрологических учреждений, выясняя особенности функционирования складывающейся профессиональной культуры, этической системы и противоречий с сообществом волонтеров.

Несколько статей в книге посвящены учительской профессии – одного из важнейших проводников идеологии социального государства, реализующего впрочем, как показывает анализ, и свои собственные групповые интересы. Статья Анны Истоминой и Олега Оберемко посвящена анализу идентичности учителей. Исследование позволило выявить нарушение баланса между внешними и внутренними типами регуляции в дискурсе о профессии. Продолжая исследования профессионального сообщества учителей, Ирина Реброва и Александр Чашухин сосредотачивают свое внимание на фигуре учителя-интеллигента советской эпохи. Опираясь на биографические нарративы педагогов, чья трудовая биография сложилась при социализме, авторы рассматривают образ учителя в контексте советского проекта Просвещения, указывая на составляющие этого образа, построенные в категориях власти, патернализма, профессиональной миссии. Ирина Попова, анализируя процессы профессионализации среди небольшой группы школьных театральных педагогов, выявляет противоречивые тактики построения особой идентичности, основывающейся на конструировании истории, суверенного предмета деятельности и особых качеств представителей этого сообщества. В своем сравнительном исследова-

нии Елена Колесникова рассматривает образ профессионального учительского сообщества в том виде, в каком оно формируется британскими и российскими средствами массовой информации. На этих аренах воспроизводятся старые и продвигаются новые определения учительства, определяются и переопределяются групповая автономия и солидарность этой группы профессионалов.

Два исследования социальных работников продолжают линию анализа вклада профессионалов в реализацию программ социального государства. В исследовании Веры Галиндабаевой раскрываются особенности функционирования социальных работников как профессиональной группы в условиях сельского локального сообщества. Показано, что в условиях моральной экономики крестьянских сообществ сельские социальные работники формируют разнообразные неформальные практики и вынуждены, в целях выживания, справляться с многообразным контролем над своей деятельностью. К теме социальной работы обращается в своей статье и Ирина Суркова, которая изучает особенности профессиональной идентичности военных социальных работников. В работе рассматриваются противоречия между требованиями дисциплинирования и контроля, предъявляемым к этим специалистам со стороны военного руководства, и ценностями прав человека, исторически сформированными в социальной работе как профессии.

Анализ новой, сравнительно небольшой профессиональной группы специалистов по социальной рекламе, проведенный Викторией Антоновой и Анастасией Кисуриной, демонстрирует динамическую связь профессионализации и более широких процессов формирования некоммерческого сектора в России, а также особенностей государственной политики признания этого сектора и взаимодействия с ним. Марика Сурина исследует сравнительно новую для России практику фандрайзинга в некоммерческих организациях и выделяет формирующуюся группу специалистов по поиску средств, останавливаясь на проблемах мотивации, идентичности и каналах формирования специального знания в этой сфере деятельности.

Книгу завершает статья Василия Аникина и Романа Соловьева, которые анализируют такую маргинальную занятость, как попрошайничество. Это исследование выступает своеобразным интеллектуальным расширением как всей концепции проекта, так и целого ряда отдельных аналитических вопросов и эмпирических кейсов. В частности, фандрайзинг и попрошайничество становятся элементами гибридной культурной системы неolibерального постсоциализма. Авторы, опираясь на серию неформализованных интервью, пытаются реконструировать ресурсы, правила и нормы, культуру и

образцы поведения представителей социальной группы, локализованной в данном случае около православных церквей. Здесь сделана попытка применить неовеберианский подход к квазипрофессии и определить роль социального государства в регулировании этого вида деятельности.

Мы надеемся, что эта книга заинтересует читателей и вдохновит ученых на новые вопросы о ресурсах и последствиях власти профессий в социальном государстве, а также на критику или применение представленных здесь подходов.

***Примерный гид кейс стади,
разработанный в ходе выполнения проекта
«Профессии в социальном государстве» в 2012 году***

Название профессии (или разные версии названия на русском языке, бытующие в настоящее время)

Историческая справка (по литературе)

Когда примерно появилась профессия (вид занятий) в СССР (по сравнению с другими странами), найти ранние исследования и литературу – или в современной России, более давняя история не нужна. Входит ли вид занятий в «Государственный реестр профессий рабочих и должностей служащих»?

Структура занятости (по литературе и интервью)

В каких организациях, подразделениях, отделах заняты эти профессионалы? Как много таких организаций, в чем состоят их функции, какую роль в организациях они выполняют, кто является клиентами/потребителями услуг данной группы, есть ли какая-то дифференциация по полу, возрасту, в чем проявляется?

Структуры регуляции (по литературе и интервью)

Какие правовые нормы – законы, приказы, подзаконные акты – регулируют эту занятость, то есть возможность заниматься этим видом деятельности? Что именно регулируется – образование, опыт работы; в чем состоит процедура (процедуры) регуляции, через какие механизмы – экзамены, лицензирование; кто этим занимается – специальные комиссии профессионалов, чиновники (какие и как?) Что и когда в этом плане менялось?

Место и функции в социальном государстве (теоретизация: по литературе, некоторые аспекты – по интервью)

Как связана профессия/род занятий с социальным государством – в решении каких проблем участвуют профессионалы, источником каких социальных проблем являются, в результате каких проблем появились и развиваются, какие социальные проблемы препятству-

ют их деятельности. На какие аспекты благополучия людей влияют эти специалисты? Как благополучие самих специалистов, профессиональной группы зависит от социальной политики? Динамика?

Структура профессии (по литературе и интервью)

Как организована вертикальная иерархия в группе – есть ли старшие и младшие профессионалы (специалисты) в группе – как они называются и различаются, как организована вертикальная мобильность? Какие существуют специализации, виды деятельности? Из кого состоит центр и периферия профессии?

Статус в обществе (по литературе, в том числе СМИ, и по интервью)

Насколько высок статус этой профессии в обществе, как о ней пишут в СМИ, есть ли исследования мнения людей об этой профессии – их выводы, как сами профессионалы оценивают свой статус и отношение к ним в обществе. Динамика (как менялось со временем)?

Доходы, зарплаты (по литературе и интервью с экспертами)

Каковы средние доходы группы, наиболее высокие доходы – как это связано со структурой профессии и структурой занятости. Динамика? «Раньше и теперь» – какой поворотный момент? Переход к рынку или что-то еще?

Примерная численность (по литературе и интервью с экспертами)

Какова примерно численность этих профессионалов, как и кем она учитывается, какова структура численности – в зависимости от структуры профессии и структуры занятости. Динамика?

Конкурирующие профессии/типы занятий (по интервью)

Какие профессии выполняют сходные виды деятельности, с кем приходится конкурировать этим профессионалам? Есть ли конфликты между этими группами в сфере занятости, в борьбе за влияние, за клиентов, за уважение со стороны общества? В чем состоят такие конфликты, привести примеры.

Действующие общественные объединения, ассоциации, профессиональные профсоюзы, их роль и значение (по литературе и интервью с экспертами)

Есть ли какие-то формальные/неформальные объединения, ассоциации, профсоюзы таких профессионалов? Какова динамика – «раньше и теперь»? Если их несколько, расположены в разных регионах – перечислите, приведите примеры. Как связаны они с государственным регулированием деятельности этих профессионалов (включены ли в регулирование)? Насколько эти ассоциации влиятельны? Насколько сплочены их члены? В каком смысле можно говорить о сплоченности этой группы профессионалов? Как влияют на

политику государства в отношении профессии, как влияют на социальную политику, на реформы? Динамика этого влияния?

Насколько эти профессионалы интегрированы, сплочены? Как они поддерживают свою интеграцию (слеты, конференции, собрания, символизм, фольклор)? Как менялся уровень интегрированности до перестройки, в 90-годы, чем характеризуется сегодня, что влияет на интеграцию, какие факторы?

Образование, креденции (по литературе и интервью)

Какие образовательные учреждения готовят профессионалов, какие уровни (училища, вузы, отделения в вузах), виды (заочное, очное, поствузовские или дополнительные курсы специализации или повышения квалификации) и формы (формальное или неформальное повышение квалификации) образования существуют? Какие виды дипломов, документов или неформальных свидетельств об образовании существуют? Как они различаются на рынке труда, кому отдается предпочтение, а кто оказывается вытесненным, маргинализированным? Динамика – как росло количество образовательных программ и их востребованность?

Этический кодекс (поиск и анализ документов, возможно, обсудить в интервью)

Какие этические дилеммы есть в работе профессионалов – как они сами об этом говорят? Есть ли формальный/неформальный этический кодекс? Когда и кем он был сформулирован, принят? Какие кодексы, документы были взяты за основу? Если несколько кодексов – то почему разные, какой из них более влиятельный и почему? Знают ли профессионалы о кодексе, пользуются ли им в повседневной работе? Как именно этические мотивы действуют в профессии, кто и как следит за их выполнением и какие санкции существует для тех, кто нарушает? Что более влиятельно здесь – формальные кодексы или неписанные правила? Приведите примеры нарушений, применений санкций. Какова тут динамика (когда был принят первый кодекс, какие вариации были приняты потом? Как распространялся и знают ли о нем?)

Автономия (по интервью)

Кто задает правила, по которым действуют профессионалы – сами они, их руководители или иные бюрократические структуры, органы власти? Насколько данные профессионалы автономны, независимы в принятии решений в своей профессиональной области? В чем это проявляется? Есть ли зависимость от клиентов в принятии решений и в чем она проявляется? Есть ли зависимость от начальников, руководителей и в чем проявляется? От государства? Насколько зависимы от мнения, влияния таких же профессионалов как они –

в чем проявляется? Насколько среди них поощряются инициатива, инновативные идеи? Есть ли примеры выдвижения таких инноваций на уровне своего рабочего места? Организации? На уровне социальной политики (при помощи таких же профессионалов или других групп поддержки) – в продвижении законов, меняющих их условия работы, оплаты труда, прав и возможностей клиентов?

Социальное закрытие (по интервью)

Насколько легко попасть в эту профессиональную группу? В ее ядро, в наиболее престижные слои? Что для этого необходимо (образование, связи, выполнение определенных процедур, экзаменов, предписанных государством или старшими коллегами по цеху)? Кто контролирует вход в профессию (коллегиальные структуры, государство, рыночные структуры)? Динамика.

Легитимация, идеология (операционализировать по литературе, прояснить в интервью)

Какие существуют теории, написанные или устные, которые оправдывают назначение этой профессии, ее места и значимости на рынке труда, в современном обществе. Ее влияние на социальные процессы, на общество. Примеры. Динамика.

Повседневность (желательны фото, видео рабочего места, бытовки, уголка)

(по литературе, наблюдение и интервью)

Как организовано рабочее место профессионала, есть ли у них свои приватные пространства, как они устроены, в чем состоят особенности устройства?

В чем состоят субкультурные особенности профессиональной группы, ее образа жизни, какие-либо сведения о фольклоре профессии (песни, анекдоты, шутки), профессиональном жаргоне, если есть – ссылки на исследования в этой области.

Список источников

Кульман Э. Разновидности профессионализма поздней современности: на примере немецкой системы здравоохранения // *Профессии.doc*. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 41–56.

Маршалл Т.Х. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 8. № 1. 2010. С. 105–124.

Миллс Ч.Р. Профессиональная идеология социальных патологов // *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен* / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 35–63.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Идеологии профессионализма и социальное государство // *Антропология профессий, или Посторонним вход*

разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 64–81.

Эветтс Дж. Новые вызовы доверию и профессионализму // Свободная мысль. 2009. № 11. Ноябрь. С. 127–142.

Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Bloch M., Holmlund K., Moqvist I., Popkewitz T.S. Global and Local Patterns of Governing the Child, Family, their Care, and Education: an Introduction // Governing children, families and education. Restructuring the welfare state / ed. by Bloch M., Holmlund K., Moqvist I., Popkewitz T.S. New York: Macmillan, 2004. P. 3 – 34.

Brockman J. An Update on Self-Regulation in the Legal Profession (1989–2000): Funnel In and Funnel Out // Canadian Journal of Law and Society. 2004. 19 (1). P. 55–84.

Evetts J. Sociological Analysis of Professionalism. Occupational Change in Modern World // International Sociology. 2003. Vol. 18 (2). P. 395–415.

Haney L. Inventing the Needy: Gender and the Politics of Welfare in Hungary. Berkeley: University of California Press, 2002.

Hugman R. Social Work and De-Professionalisation // The Sociology of the Caring Professions / ed. by P. Abbott & L. Meerabeau. London: Routledge, 2003. P. 178–199.

Foucault M. Governmentality // The Essential Foucault: Selections from Essential Works of Foucault 1954–1984 / ed. by P. Rabinow and N. Rose. London: The New Press: 2003. P. 229–245.

Holmlund K., Moqvist I., Popkewitz T.S. Governing Children, Families and Education. Restructuring the Welfare State. New York: Macmillan, 2003. P. 17–18.

Iarskaia-Smirnova E. Gender and Class in Russian Welfare Policy: Soviet Legacies and Contemporary Challenges. Goteborg: University of Goteborg, Ineko, 2011.

Kronman A. The Lost Lawyer: Falling Ideals of the Legal Profession. Cambridge, MA: Belknap, 1995.

Larson M.S. The Rise of Professionalism. Berkeley: University of California Press, 1977.

Lipsky M. Street-level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. New-York: Russell Sage Foundation, 1980.

Morgen S., Maskovsky J. The Anthropology of Welfare "Reform": New Perspectives on US Urban Poverty in the Post-Welfare Era // Annual Review of Anthropology. 2003. Vol. 32. P. 315–338.

Saks M. Professions and the Public Interest: Medical Power, Altruism and Alternative Medicine. London: Routledge, 1995.

Saks M. Social Work in the UK: a Changing Profession under Challenge in Turbulent Times / paper presented in Sessions of the Research Network on Sociology of Professions (RN 19) at the 10th Conference of the European Sociological Association, Geneva, Switzerland, 2011.

Weiss-Gal I., Welbourne P. The Professionalization of Social Work: a Cross-National Exploration // International Journal of Social Welfare. 2008. Vol. 17. № 4. P. 281–290.